

16 мая 1973

от

г. Иркутск

Газета №

Программа **последнего симфонического концерта** задумана хорошо. Первое отделение «классическое» — Бах и Моцарт, второе «романтическое», посвящено Вагнеру и самому исполнителю, бразильскому музыканту Жозе Сикейре. Программу наш гость дирижировал наизусть, что всегда является признаком «хорошего тона», капитальных дирижерских традиций.

Очаровательная си-минорная сюита Иоганна Себастьяна Баха для струнных и солирующей флейты представляет немалые трудности как для дирижера, так и оркестра. Очень важно в каждой из семи пьес, составляющих сюиту, найти «свое зерно». Достаточно вспомнить монументальную увертюру («Прембулум») и последнюю пьесу цикла, очаровательную и легкую «Шутку». Какой контраст! Дирижер отлично справился со всеми «сюрпризами» Баха. Но вот к оркестру пора уже предъявить серьезные претензии. Вязкая, тяжелая полифония увертюры требует

ДНЕВНИК ИСКУССТВ

ВСТРЕЧА С БОЛЬШИМ МУЗЫКАНТОМ

не такого резкого и крикливого звучания, какое издавала струнная группа, особенно скрипки. Это не вина дирижера-гостя. И не вина главного дирижера филармонии. Беда в том, что в нашем оркестре укоренилась и все усиливается резкая, грубая манера **игры**. Культура **звучоизвлечения**, особенно когда речь идет о скрипках, — чрезвычайно **важное** условие. Да простят меня уважаемые артисты оркестра, но в этот вечер **невольна** на ум приходили классические строки: «ударили в смычки. Дерут...» Это давняя «болезнь», от нее не избавишься в день, в неделю, в месяц. Думается, что ответствен за это в первую очередь концертмейстер Л. Мессман. Ему по штату положено отвечать за звучание струнных, к тому же сам он грешит постоянным «пережиманием» (слово техническое, означает форсированное давление смычка на струну).

Разумеется, не всегда и не везде нужно играть певуче, мягко и изящно, иные вещи требуют как раз резкости и жесткости. Но в данном случае Бах и Моцарт, конечно, проиграли от грубо-крикливой игры струнных. Кроме того, идеальный в акустическом отношении зал филармонии требует от каждого артиста особого чувства меры: он допускает детальнейшие и тишишие нюансы. Можно не бочгься — ничего не пропадет! В моцартовой симфонии, **носящей** имя зальцбургского бургомистра Хаффнера, тоже, собственно, многое вышло громче, резче и грубее, чем хотелось бы.

Не в пример удачнее прозвучало второе отделение программы. Обе вещи — Вагнера и Сикейры — написаны **плотно**, звучно, помпезно, и указанный недостаток здесь не был столь замечен. Особо хочется похвалить нашего уважаемого гостя за отличную вдохновенную трактовку знаменитого вступления к **вагнеровской** опере «Нюрнбергские мастерзингеры». Плотная, вязкая и необычайно сложная полифония этой яркой праздничной пьесы отлично была выявлена дирижером. Очень хорошо «накладывал» он лирические краски в соответствующих местах.

С огромным интересом ознакомились слушатели с талантливой балетной музыкой «Сенсала», блестяще интерпретирующей ритмы и напевы бразильского музыкального фольклора. Совершенно верно выразился спутник гастролера, объявлявший с эстрады программу, который сказал, что данная пьеса «латино-американское болеро». Действительно, сходство замысла и выполнения со знаменитым **равелевским «Болеро»** разительное. Но это ни в коем случае не снижает достоинств яркой и праздничной музыки, великолепной профессиональной оркестровки.

Переполненный зал с горячей симпатией вызывал и приветствовал большого музыканта.

В. СУХИНЕНКО,
музыковед.